

Игорь Орлов

Совместимость с неизвестным

КодМы

Научная фантастика

Игорь Орлав

Совместимость с неизвестным

«Автор»

2026

Орлав И.

Совместимость с неизвестным / И. Орлав — «Автор», 2026

Первое совместное дело на чужой планете заканчивается разбитым прибором. Земляне сказали «да», а хозяева отпустили ручки. Переводчик уверяет, что ошибки нет. До закрытия станции остаётся несколько дней. Лингвист Ада и её спутники должны понять чужие отказы, исправить свою ошибку и решить, чем каждый готов пожертвовать ради общей работы.

© Орлав И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Шесть ручек	5
2. Тёплая сторона стола	8
3. Пустой держатель	11
4. Чужой выходной	14
5. Хомут	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Игорь Орлав

Совместимость с неизвестным

1. Шесть ручек

Оранжевая ручка повернулась в перчатке Ады, хотя она ещё не начинала поднимать.

— Раньше не надо, — сказал Тимур.

Он стоял напротив, на краю спущенной аппарели. Между его ботинками и ближайшей опорой чужого существа оставалось меньше ладони. Существо отодвинуло опору, освобождая место, а верхнюю конечность сохранило на ручке. Это было первое движение на другой планете, которое Ада поняла без переводчика: вам неудобно, я подвинусь.

Измерительная скоба лежала поперёк низких козел. Полтора метра оранжевой дуги, шесть ручек, три серых цилиндра в середине. Её предстояло перенести через водоотводный желоб на стол возле земного модуля. Чужие изготовили ручки по присланным изображениям человеческой кисти. Последнюю сделали слишком толстой. Ника показала это ещё при первом касании, и маленькое существо со светлой полосой на боку принесло накладку потоньше. Оказалось, первое исправление на первом контакте вполне может касаться рукоятки.

Теперь всё было готово.

Лев Мерен вышел из тени модуля. На отражении в его шлеме вытянулось узкое белое солнце; самого лица почти не было видно. Ада видела только широкий нос и шевеление губ.

— Мы согласны с предложенным порядком. Поднимаем одновременно, переносим, устанавливаем. Подтверждаем все вместе.

Он посмотрел на каждого. Тимур кивнул, Ника подняла большой палец. Ада сказала «да», хотя её место в этом действии и без того было недвусмысленным: две руки на чужом предмете, ступни по разметке, поставленной для неё мелом. Сева ответил из кабины. Пилот не участвовал в переноске, но Лев включил его в согласие, чтобы никто не оказался забытым.

Переводчик выдал короткую дробь и тягучий звук, похожий на трение влажного стекла.

Чужое существо с медной скобой у верхнего края корпуса убрало руку.

Ада успела удивиться тому, как легко и спокойно оно это сделало. Не отдёргнуло, не вздрогнуло: разжало три длинных пальца и отступило на двух из трёх ног. Маленькое существо со светлой полосой тоже освободило ручки. Только Тимур, приняв их движение за начало подъёма, уже потянул свою сторону.

Скоба повернулась. Ада присела вслед за ней, пытаясь поймать уходящий вес. Оранжевая дуга ткнулась в край желоба. Серый цилиндр ударился о камень с таким тонким звоном, что на мгновение стало слышно лишь его, несмотря на шорох вентилятора в шлеме.

— Стоять! — сказал Сева.

Никто и не двигался.

Тимур держал край дуги на высоте коленей. Ада прижимала другую ручку к груди. Ника стояла на одном колене, подставив под середину сложенную подушку из транспортного ящика. Чужое со светлым боком быстро коснулось цилиндра, затем приложило два пальца к плите.

Переводчик сказал:

— Отсутствует совместное действие.

За спиной чужих начиналась их среда: низкие ребристые постройки, веера теплоотводов, чёрные полосы между светлыми плитами. Далеко, у края площадки, медленно ползла пыль. Никаких деревьев, окон, улицы в земном смысле. Но возле козел лежал оброненный моток шнура, к одной ручке пристала стружка, и всё это было настолько похоже на рабочее место, что

Ада вдруг рассердилась. Они только что согласились. Можно было хотя бы дослушать, прежде чем отпускать.

Лев сделал шаг.

— Мы подтверждаем готовность продолжить. Произошло недоразумение.

Существо с медной скобой повернуло к нему верхнюю треть корпуса. Две тёмные полосы на её поверхности сузились. Ада привыкла называть их глазами, хотя знала только, что через эти полосы местные получают часть зрительной информации. У существа не было головы, которую можно наклонить с сочувствием или недоверием. И всё-таки сейчас ей казалось, что оно смотрит с недоверием.

— Вы исключили несоответствие, — перевёл прибор. — Перенос завершён без нас.

— Он не завершён, — ответил Тимур. — Мы его даже не начали.

Лев поднял руку, и Тимур замолчал. Маленькое существо ещё раз потрогало цилиндр. В нём появилась белёсая черта, которую Ада сперва сочла бликом. Черта не исчезла, когда солнце спряталось за модулем.

Нэр — так они договорились записывать имя владельца медной скобы — принёс две подпорки. Он установил их под оранжевую дугу, дождался, пока земляне освободят руки, и отодвинул весь предмет назад, к чужой половине площадки. Его помощник собрал серую крошку в мягкий мешочек.

Ника не убрала подушку.

— Можно оставить? — спросила она, показывая на неё.

Нэр произвёл два щелчка. Переводчик помедлил.

— Предмет допускается.

Вот и всё. Подушка допускалась. Люди пока не допускались.

Ада сняла пальцы с ручки и обнаружила, что продолжает держать их согнутыми, точно у неё ещё что-то осталось. Она расправила ладонь. На белой перчатке появилась оранжевая полоса.

Они летели к Илю восемнадцать лет по земному отсчёту. Большую часть пути провели в замедляющих камерах, вышли из них на подлёте, затем девять месяцев учились говорить с теми, кого сначала видели только на экранах. Они обменялись изображениями, числами, устройствами простейших инструментов. Сопоставили составы воздуха: люди должны были всё время оставаться в замкнутых костюмах, местные могли работать без них; придумали, как обеззараживать предметы, не уничтожая их; проверили отдельные материалы, из которых будут сделаны стол и аппарат. После стольких осторожных приготовлений не удалось перенести одну скобу на два шага.

— Уходим внутрь, — сказал Сева. — Пожалуйста, без нового общего заявления.

Лев не ответил. Он стоял перед Нэром, чуть подавшись вперёд, словно собирался подать кому-то пальто. Ада знала это выражение его тела лучше, чем выражения чужих. Лев всегда находил движение, которое сообщало собеседнику: я ещё здесь, не всё потеряно. Обычно это помогало.

Сейчас Нэр поднял обе руки и свёл пальцы в сплошной валик. Затем дважды коснулся им своего корпуса.

— Работа прекращена, — сказал переводчик.

Слова были совершенно ясными. Никто не знал, что делать с их ясностью.

Ника поднялась последней. Она показала маленькому существу на подушку, потом на собственные пустые ладони. Оно провело светлым боком по краю её тени. Ада не решилась истолковать это как благодарность.

В шлюзе пахло нагретой прокладкой. Пять человек могли находиться здесь только по очереди, и Ада ждала, пока Тимур пройдёт внутреннюю дверь. Он стукнул кулаком по защёлке, не попав с первого раза. На третьей попытке защёлка сработала.

— Слишком дружно, — сказал он.

— Что?

— Слишком дружно мы приехали. Им скучно стало.

Она не ответила. На внутреннем стекле её шлема светила строка последнего земного сообщения: «Мы согласны с предложенным порядком». Под ней стояла отметка надёжности перевода. Зелёная, без единого жёлтого деления.

Ада сама придумала эту шкалу, когда ей надоело слушать, что машины либо понимают всё, либо не понимают ничего.

Она нажала на зелёную полосу и раскрыла исходную запись.

За короткой дробью звучал низкий двойной удар, похожий на помеху от козел. Он повторялся на девяти предыдущих записях Нэра. В словарь звук не попал: его отнесли к рабочему шуму.

Снаружи маленькое существо подняло подушку и бережно сложило её рядом с разбитым цилиндром.

2. Тёплая сторона стола

В жилом отсеке Тимур первым делом отстегнул воротник и упёрся лбом в холодную стенку шкафа. Бритая голова блестела от пота. Он не ругался; от этого Аде стало не по себе. Во время посадочных тренировок Тимур разговаривал даже с неисправными выключателями, причём обращался к каждому отдельно.

— Ничего не течёт? — спросила Ника.

— У нас ничего. У них треснул эталон.

— Ты уверен, что эталон?

— Не уверен. Цилиндр, который они называли эталоном, когда мы уточняли размеры держателя. Так достаточно точно?

Ника кивнула. Её короткие медные волосы слиплись над лбом. Она была самой молодой в группе, но кивала иногда так терпеливо, что Тимур начинал сердиться сильнее.

Лев снял шлем и поставил его на пол. Сева сразу переставил шлем в гнездо. Во время полёта эти двое несколько месяцев пробовали делить одну рабочую консоль, после чего признали эксперимент неудачным. Лев раскладывал предметы так, чтобы они помогали ему думать. Сева — так, чтобы их можно было найти в темноте.

— Я беру ошибку на себя, — сказал Лев. — Я дал общее подтверждение раньше, чем мы разобрались в процедуре.

— Это пока не объяснение, — ответила Ада.

Она села за стол, закрепила стакан с водой и вывела записи на общую стену. В отражении ещё чёрного экрана показалось её собственное лицо: длинные скулы, упрямый подбородок, седина по краям прямого каре. Сорок два года, если вычесть годы камер и не вычитать остальное. Она никогда не знала, что отвечать на вопрос о возрасте. За время перелёта некоторые ровесники стали старше её матери в тот день, когда Ада уезжала из дома.

Нэр на записи медленно опускал раскрытую руку. Звук шёл чуть раньше движения: камеры и наружные микрофоны жили на разных часах. При дистанционной работе разницей пренебрегали, потому что она не мешала различать предметы.

— Отмена согласия? — предположил Лев.

— Тогда почему на девяти других записях он продолжает? — Ада убрала изображение и включила все десять окончаний подряд.

Послышался невнятный перестук. Тимур поднял голову.

— Не похоже на телеметрию?

— Похоже. Поэтому я её отфильтровала.

Она сказала это без паузы, чтобы никто не мог облегчить ей признание. За девять месяцев они накопили огромную подборку шумов: вентиляторы, заслонки, постукивание опор по настилу, вибрация инструментов. Если бы переводчик прислушивался ко всему, он никогда не заканчивал бы фразу. Ада выделила то, что повторялось при общении. Остальное сохранила, но вынесла за пределы речи.

— Ты? — спросил Тимур.

— Я утвердила настройку. Модель предложила, я утвердила.

Ника подвинула к ней стакан. Не утешение: стакан просто стоял слишком близко к краю. В отсеке уже действовало местное тяготение, которое все понимали головой и ещё не вполне признавали кистями. За обедом Ника пролила суп, потому что отпустила миску, ожидая, что та повиснет перед ней, как на корабле.

— На наземную работу отведено шесть земных суток, — сказал Сева. — Первые уже заканчиваются. На седьмые — старт. Я повторяю для записи, не для драматизма.

Станция, которую земляне называли Порогом, закрывала наружную площадку перед сезонным пылевым переносом. Её жители собирались уйти в нижние сооружения. Они дали гостям неделю, считая вместе с отлётом, и сообщили это раньше, чем согласились на посадку. Наутро после закрытия теплоотводы станции переставали обслуживать площадку. У земного модуля были свои устройства охлаждения, но они быстро забивались местной пылью. Сева рассчитал безопасную работу с запасом и не видел причины расходовать этот запас на надежду, что чужие изменят расписание.

В первоначальном плане Лев оставил два дня на обсуждение постоянной связи. Он надеялся договориться о следующем посещении ещё до взлёта, чтобы на Землю ушло приглашение, а не только описание посадки. Ада помогала ему выбирать самые простые формулировки. Теперь они не знали, какие из этих слов уже понимают одинаково.

На орбите ждал «Створ». Корабль поддерживал связь с посадочным модулем, мог принимать данные и готовить обратный перелёт. Приказать Порогу продлить сезон он не мог. Земля получит подробности встречи тогда, когда исправить здесь что-либо будет давно невозможно.

— Мы не просим дополнительного времени, — сказал Лев.

— Ты ещё не просишь.

Лев усмехнулся. Сева так хорошо знал его будущие уступки, что порой начинал возражать им заранее.

Ада вывела земной оригинал: «Мы согласны с предложенным порядком». Рядом появилась строка чужого языка. Она состояла из условных знаков, которым ещё не придали красивого вида: кружки, штрихи, номера акустических полос. Машина собирала их из известных примеров. Обратный перевод возвращал ровно ту же русскую фразу.

— Если это замкнутый словарь, он может подтверждать сам себя, — сказала она.

— А ты раньше не знала? — спросил Тимур.

— Знала. Но до сегодняшнего дня у нас были независимые результаты. Мы просили цилиндр — получали цилиндр. Уточняли размер — получали нужный размер.

— А сейчас попросили сотрудничество и получили дырку в нём, — сказал он.

Ника выключила экран своей ладонью, заслонив датчик присутствия, потом сразу убрала руку.

— Они не бросили скобу, — сказала она.

— Вот это открытие.

— Посмотри по кадрам. Они поставили свой край на козлы. Мы подняли раньше, чем он лёг. Нэр отпускал уже почти ненагруженную ручку.

Тимур сел рядом с Адой. Они вернули запись. На замедленном изображении стало видно: чужие не прекращали поддерживать груз посреди переноса. Они считали, что переноса пока не будет. Тимур начал поднимать в то мгновение, когда они завершали обратное движение.

— Ладно, — сказал он. — Я поднял раньше.

В отсеке стало легче дышать, хотя состав воздуха не изменился. Это было первое объяснение, которое не требовало считать другую сторону обманщиком.

Лев попросил передать Нэру, что они хотят восстановить последовательность, используя пустую скобу или любой безопасный предмет. Без торжественного подтверждения общей цели. Ада составила сообщение из отдельных действий: поставить, показать, повторить. Слово «понять» заменила просьбой увидеть запись вместе.

Ответ пришёл, когда они доедали разогретую фасоль.

Нэр давал им сорок минут следующего рабочего периода. С ним будет Оша — существо со светлой полосой. Повреждённый цилиндр ремонту на месте не подлежал. У станции оставались два исправных, и ни один из них больше не дадут землянам до прояснения случившегося.

— Справедливо, — сказал Тимур.

Он взял ложку, обнаружил, что фасоль остыла, и пододвинул тарелку к тёплой стороне стола. Система обогрева ещё не была выровнена; места ближе к стене получали больше тепла. Сразу после посадки они собирались это исправить. Сегодня все молча передвинули туда посуду.

Ада оставила запись открытой. Пока остальные спали, она ещё раз посмотрела, как Нэр касается плиты. Теперь ей казалось, что незаметный удар звучит громче голоса.

Она не стала добавлять его в словарь. Сначала требовалось узнать, что он меняет.

3. Пустой держатель

На повторную встречу Оша принёс два пустых держателя. Он поставил их рядом так, чтобы даже без перевода было видно: здесь нет ничего, что жалко уронить.

Ада почувствовала стыд и сразу рассердилась на него. Стыд требовал, чтобы ей перестали напоминать об ошибке. Работа требовала как раз обратного.

В этот раз Лев остался у открытого наружного шлюза. Тимур и Ника присели по земную сторону стола. За спиной у Нэра стоял третий местный, выше остальных, с тёмными продольными рёбрами. Его имя — Саал — Ада знала по разрешению на посадку. Он распоряжался помещениями и временем площадки. До сих пор его голос был только короткими вставками в сообщениях: можно в этой зоне; нельзя в той; необходимо закончить к указанному сроку.

Нэр показал на запись первого переноса. Потом на пустые держатели.

— Повтор, — выдал переводчик.

Ада отключила сглаживание фраз. Русский голос сменился сухим перечислением: «Общий предмет. Движение через. Отдельная опора. Не завершается». Она не знала, лучше ли это прежней уверенности, но по крайней мере теперь не возникало впечатления, будто Нэр окончил земную школу дипломатии.

Они воспроизвели прежний порядок. Лев предложил перенести держатель. Нэр произнёс несколько звуков и провёл пальцами по столу. Ада ответила той же строкой, которую машина выдала вчера. Нэр немедленно положил ручку.

Тимур не двинулся. Все уставились на держатель.

Оша вернул пальцы на его край, наклонил корпус и произнёс другую короткую фразу. Нэр ответил. Они подняли держатель и поставили его на соседнюю плиту.

— Теперь только запись, — попросила Ада.

Она поместила оба ответа рядом. Вчерашний земной ответ и ответ Оши на русском совпали: «Я согласен». В чужом звучании между ними была разница — короткий скрип, а на видео Оша не завершал круг пальцами, оставляя щель. Вчерашняя фраза была собрана по образцам, в которых собеседник подтверждал правильность названного предмета. Стол — это стол. Серый — серый. Два цилиндра — два. Различать было больше нечего.

Оша после своего ответа продолжал держать пальцы отдельно.

— Оставить различие? — сказала Ада.

Переводчик предложил сразу четыре варианта. Она не отправила ни одного.

Вместо этого достала две земные шайбы, большую и маленькую, и нарисовала на планшете две посадочные лунки. Нэр выбрал большую шайбу для большой лунки. Ада подтвердила выбор вчерашней фразой. Нэр поместил шайбу сам. Никто не остановился.

Потом она предложила им вместе поднять пустой держатель. Повторила тот же ответ. Нэр снова отпустил край.

Ника коснулась Адиного локтя.

— Оно относится не к тому, верно ли мы называем вещь. К тому, кто за что держится.

— Это ещё надо проверить.

Ада предложила третий опыт. На этот раз Нэр должен был оставаться на месте, а она — поднимать только свою сторону. Он произнёс знакомую фразу с незавершённым кругом. Переводчик опять выбрал «согласен». Ада воспроизвела запись ответа и повторила движение.

Нэр не отпустил ручку. Но и поднимать не стал.

Оша ткнул длинным пальцем в её ботинок, потом в свой. Перевод дал: «Место не повтор». Ада переставила ногу. Оша повторил жест, уже резче.

— Он не просит встать одинаково, — сказала Ника. — Наоборот. Покажи, почему стоишь здесь.

— Как?

— Скажи про желоб.

Каменная кромка мешала Аде подходить ближе; она боялась, что при подъёме заденет её голенью и потеряет равновесие. Она объяснила это отдельными словами и показала: её край нужно сперва придвинуть, затем поднять. Нэр ответил коротким несходным звуком. Его пальцы остались раздельны.

— Не ваше движение, — выдал переводчик.

Тимур шумно вдохнул в общем канале.

Но Нэр поднял держатель. Ада потянула к себе, он повернул свой край на месте, и они легко перенесли предмет. Впервые за всё утро результат совпал с намерением.

Саал провёл рукой по тёмным рёбрам. Оша убрал один держатель, как убирают выполненную задачу.

Ада не позволила себе радоваться. Они повторили опыт, поменявшись сторонами. Она снова указала на желоб, хотя теперь желоб находился за Нэром и не мешал ей. Он положил ручку.

— Неверная опора, — сказал прибор.

Тимур тихо засмеялся.

— Вот теперь интересно.

Ада остановила запись и показала Нэру момент, когда её фраза перестала соответствовать месту. Он несколько раз указал на собственную ногу, на скобу, на Аду. Машина не справлялась; выводила слова о несходстве, удержании и пустоте. Зато Оша взял держатель, подошёл к Нике, и они без слов проверили движение. Ника дала ему понять, что будет медленнее. Он показал, что его сторона может наклоняться сильнее. Они перенесли предмет, едва не задев локтями друг друга, и тут же перенесли обратно.

Это не было условным паролем, после которого открывалась дверь. Скопированные слова и жесты ничего не обеспечивали. Требовалось сообщить другому то, что могло помешать именно твоему участию, и дожждаться, пока он покажет, как будет с этим обходиться.

Нэр заговорил с Саалом. Ада слышала скрипучую негромкую речь, сопровождаемую касаниями стола. До посадки их камеры чаще смотрели на верхнюю часть корпуса; низкие рабочие поверхности оставались вне кадра. Часть языка они не потеряли при переводе. Её вообще не снимали.

— Время, — сказал Сева.

Сорок минут истекали.

Ада показала Нэру две русские фразы, озвучила их через промежуточный словарь и разложила рядом два разных знака: «Различий больше нет» и «Действуем, различие остаётся». Нэр исправил второй рисунок. Он стёр общую линию под двумя фигурами и провёл две отдельные, которые сходились только у держателя.

Первую фразу он соединил с вчерашней записью. Вторую — с удачным переносом.

Потом указал на третье пустое место.

Ада нарисовала вопрос.

Нэр сомкнул пальцы и дважды коснулся корпуса. Саал сразу отодвинул держатель. Переводчик уверенно произнёс: «Работа прекращена».

— Это мы поняли, — сказала Ада.

И почти одновременно Ника спросила:

— А точно поняли?

Оша уже собирал предметы. Он не смотрел на людей теми полосами, которые они считали глазами. Нэр спрятал рисунки в местный накопитель. Саал остался у стола, не позволяя земной группе задержаться под видом ещё одного вопроса.

На пути к модулю Тимур наклонился к Аде:

- Нас учили девять месяцев, как называть отвёртку, а отвёртку передавать не учили.
 - Мы и сами не попросили.
 - Кто просит учить его передавать отвёртку?
- Она посмотрела на чёрную полосу желоба, возле которого всё началось.
- Теперь, видимо, мы.

4. Чужой выходной

Вечером к модулю прикатился шар.

Он двигался неправильно: после каждого оборота немного смещался вбок, будто поверхность под ним была косой. Оша шёл следом, легко переставляя три опоры. Из-за выпуклого корпуса нельзя было понять, где у него перед; казалось, что существо всякий раз заново выбирает направление.

Сева увидел шар первым.

— Ничего не втягивать в шлюз, — сказал он.

— Я только смотрю, — ответила Ника.

Она уже была в костюме. После долгого дня её начинало тянуть наружу не из любопытства, а из простой необходимости сделать больше пяти шагов подряд. Снаружи нельзя было снять шлем, сесть на любую поверхность или прикоснуться к чему-то неучтённому. Зато там не приходилось спрашивать, кому мешает твой локоть.

Оша остановил шар у жёлтой линии разграничения. В нём обнаружилась щель. Из щели выкатилось небольшое кольцо, описало полукруг и вернулось внутрь. Оша издал звук, который машина перевела как «неудача».

Ника присела.

— Это инструмент?

Ответ состоял из двух несовместимых слов: «время» и «лишнее».

— А, — сказала она. — Тогда понятно.

Оша поставил шар на три тонких ребра и показал внутренний ход. Полый лабиринт без крышки был сложен из разных по наклону плоскостей. Кольцо требовалось провести от одной щели до другой, поворачивая всю конструкцию. Управлять приходилось вдвоём: с каждой стороны выступали рычажки, и дальние нельзя было достать, не перевернув шар.

Ада вышла следом. Лев остался писать сообщение на «Створ», Тимур разбирал держатель запасного прибора. Сева объявил, что будет смотреть с камеры и заранее не согласен ни с одним видом досуга, который закончится выдачей пылесоса.

Ника попробовала вести кольцо вместе с Ошей. Оно упало на первом повороте. Оша издал всё тот же звук, затем переставил рычажок ей ближе. Теперь кольцо проскочило три плоскости, но ударилось в перегородку и вернулось в начало.

— Он меня обыгрывает? — спросила Ника.

— Кажется, вы проигрываете вместе.

— Так гораздо уютнее.

Они сделали ещё несколько попыток. В первый раз Ника торопилась, во второй ждала слишком долго, в третий неожиданно для себя прошла трудное место, потому что зачесался нос и она отвлеклась от левого рычага. Почесать нос в костюме было невозможно. Пришлось терпеть, смотреть на кольцо и оттого действовать мягче.

Оша повернул к Аде тёмные полосы. Он хотел, чтобы она тоже попробовала.

Она отказалась, показав на планшет: работает. Оша подождал, потом убрал от неё свободный рычаг. Это простое принятие отказа почему-то огорчило её. Она надеялась, что её ещё раз позовут.

Ника подняла кольцо специальным крючком. На его боку была крошечная вмятина.

— Оно всегда туда заваливается.

Оша забрал кольцо, подержал на раскрытых пальцах, показал вмятину и снова дал ей. Он знал. Так и было задумано — или так и получилось, но менять он не собирался.

Ада включила запись, и Оша сразу закрыл корпусом внутренность шара.

Она выключила запись.

Он отошёл.

— Можно изображение снаружи? — спросила она.

Оша указал на наружную оболочку, затем на людей и модуль. По словарю получилось «это допустимо здесь». Ада сняла шар, не снимая ходов внутри. Спросить, чем была вызвана граница, ей хотелось гораздо сильнее, чем играть. Она представила будущий научный отчёт с главой о местных развлечениях и поняла, что незаметно превратила чужое свободное время в свой материал.

— Дай мне рычаг, — сказала она Нике.

Ника удивлённо подвинулась.

Управление оказалось трудным. Ада всё время ждала от Оши подтверждения. Пока она его ждала, кольцо падало. Потом Оша стал постукивать по оболочке за мгновение до поворота. Неизвестные низкие звуки сразу обрели понятный смысл: сейчас; задержи; слишком поздно. Ни один не совпадал с сигналом, услышанным утром.

Они наконец провели кольцо к выходу. Ада невольно рассмеялась. Оша замер. Она показала открытой ладонью на шар, потом на себя, повторила смех тише. Его боковые складки быстро дрогнули. Прибор предложил «перегрев», и она удалила предложение, не отправляя.

Из модуля вышел Тимур, держа в руке земной шарнир.

— Нашёл вам достойную замену. Без лабиринта, зато заклинивает где угодно.

Он показал, как шарнир проскальзывает при одном угле и запирается при другом. Оша взял его только после того, как Тимур положил деталь на обеззараженную площадку. Сложил, разложил, просунул один тонкий палец между звеньями. Трое людей одновременно сказали «осторожно».

Оша остановился. Переводчик выдал целую очередь предупреждений.

— Теперь мы звучим как родственники, — сказала Ника.

Тимур засмеялся, взял деталь за другой конец и показал безопасный хват. Оша быстро повторил. Несколько минут они молча возились с шарниром, и Ада вспомнила комнату отбора на Земле, где встретила их впервые.

Тогда перед шестью кандидатами поставили коробку неразобранных приборов и предложили распределить работу. Тимур первым оспорил условия. Лев спросил, сколько у них времени на вопросы. Ника, которой не дали закончить объяснение, собрала один прибор из деталей соседних наборов. Сева заметил, что в комнате закрыли запасной выход стойкой с камерой, и отодвинул стойку. Ада запомнила не результаты, а облегчение: никто из них не старался выглядеть похожим на остальных.

Позже они привыкли. Научились заранее угадывать возражения Тимура, уступки Льва и молчание Ники. От этого стало удобнее жить. Но в какой-то момент удобство превратилось в уверенность, что ничего неожиданного друг от друга они уже не услышат.

Оша вернул шарнир. Тимур показал на вмятину в игровом кольце Оши, предлагая выправить край. Оша закрыл ладонь. Тимур пожал плечами, не обидевшись: чужая игрушка, чужое дело.

Когда местный ушёл, Ада посмотрела на часы. Они провели с ним почти час. Саал не приходил прекращать встречу.

— Выходной? — предположила Ника.

— Или его личное время, — сказала Ада. — У нас нет слова.

— А надо?

Лев появился у шлюза. Подойдя к ним, он долго смотрел на путь, по которому ушёл Оша.

— Мне бы это записать в отчёт, — сказал он. — Что мы час делали что-то вместе.

— Мы играли, — поправила Ника.

— Я именно это и хотел написать.

Она посмотрела на него, удостоверилась, что он не переименовывает игру в дипломатический успех, и кивнула.

В модуле Сева уже накрыл на стол. В середине лежала ложка поперёк двух кружек, а на ложке — горошина.

— Аналогичная земная технология, — сказал он. — Но если уроните, сами ищите.

5. Хомут

На третье утро Тимур прикрепил к столу образец замка, который должен был заменить одно из креплений измерительной скобы. Он изготовил его за ночь из стандартной заготовки. В модуле можно было выточить простую деталь и проверить её под нагрузкой; вырастить сложистую керамику разбитого цилиндра было нельзя. Люди пока знали о её устройстве только то, что она треснула.

Замок получился красивым. Чёрная дуга защёлкивалась вокруг оранжевой трубки, а широкая петля позволяла разомкнуть её рукой в перчатке. Тимур принёс два образца, один из которых нарочно повредил при испытании. Повреждённый он положил рядом, чтобы показать предел.

— Это не возмещение цилиндра, — сказал Лев, когда пришли Нэр и Оша. — Только часть ремонта, которую мы можем выполнить.

Нэр рассмотрел замок. Его медная скоба задела край стола и негромко звякнула. Вблизи на ней было видно выщербленное место, тщательно сглаженное по краям. Ада заметила его ещё на первой встрече и почему-то решила, что местный носит знак должности. Вчера он снимал скобу и использовал её как упор. Возможно, это был просто хороший инструмент, который удобно держать на себе.

Нэр провернул петлю замка и начал говорить. Ада теперь передавала не только распознанные слова, но и пометки о незавершённых жестах. Вместо гладкой речи получалось медленное сообщение с паузами.

— Ваше удержание... недостаточно. При другом направлении... не принимаю опору. Оставлено место ответа.

Тимур распрямился.

— Нагрузку мы согласовали заранее. Вот запись. Вот предел испытания. Я дал тройной запас по указанной вами величине.

Нэр поднял образец боком и снова произнёс фразу о недостаточном удержании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.